

ВОЕННЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

События Первой мировой войны на территории белорусских губерний в свете публикаций военного и межвоенного времени

И.Р. Чикалова

К началу Первой мировой войны белорусские земли входили, в основном, в состав Виленского военного округа и, частично, – Варшавского, которые в июле 1914 г. были реорганизованы. Органы управления Виленского военного округа использовались при формировании Двинского военного округа (штаб в Двинске); в его состав из белорусских территорий входили Волковысский и Гродненский уезды Гродненской губернии. На основе управлений Варшавского был создан Минский военный округ (штаб в Минске, затем в Смоленске). Из белорусских территорий в него входили Минская и Могилевская губернии, Брест-Литовский, Пружанский, Кобринский и Слонимский уезды Гродненской губернии. Округ являлся тыловым районом Северо-Западного, а с 1915 г. Западного фронта – оперативно-стратегических объединений Русской Императорской армии. Со дня основания и по март 1917 г. главным начальником Минского военного округа являлся генерал от кавалерии Е.А. Рауш фон Траубенберг. На территории белорусских губерний дислоцировались пехотные, артиллерийские, кавалерийские, инженерные, железнодорожные, авиационные части. Здесь находился ряд крепостей и укрепленных пунктов.

До августа 1915 г. территория Беларуси была полностью свободна от германских войск. Однако в результате отступления русских войск из Царства Польского и Литвы война пришла и на ее территорию. В августе – сентябре 1915 г. германские войска окку-

пировали Гродненскую губернию, Ошмянский и Лидский уезды Виленской губернии, западную часть Новогрудского и Пинского уездов Минской губернии, что составляло четверть современной территории Беларуси. Осенью 1915 г. и вплоть до февраля 1918 г. германо-российский фронт стабилизировался по линии Двинск – оз. Нарочь – Поставы – Сморгонь – Крево – Барановичи – Пинск. В Беларуси германское командование Восточным фронтом сконцентрировало войска в 360 тыс. человек. Наводнена войсками была и не оккупированная территория Беларуси. Здесь с конца лета 1915 г. были сконцентрированы под командованием генерала А.Е. Эверта российские войска Западного фронта, имевшего в своем составе несколько армий (1–4-я, 10-я, Особая армия) численностью 750 тыс. человек (по другим сведениям, до 1 млн человек). В белорусских городах размещались пункты управления российскими войсками. Ставка Верховного Главнокомандующего находилась в Барановичах с 16(29) августа 1914 г. по 8(21) августа 1915 г., затем переехала в Могилев. Штаб Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта на 1915 г. располагался в Минске. После выделения Западного фронта его штаб продолжал, вплоть до конца 1917 г., находиться в Минске, штаб его 2-й Армии – в Слуцке (до этого в Несвиже), 3-й Армии – в Полоцке, 10-й Армии – в Молодечно (до этого – в Минске).

Перенос боевых действий на территорию Царства Польского, а потом и Беларуси, привел к трагическим последствиям, особенно для жителей прифронтовой полосы. Инфляция, реквизиции и недостаток продуктов первой необходимости были одними из их проявлений. Километры окопов, тысячи беженцев, нищета, голод, болезни – война стала для жителей белорусских губерний настоящей трагедией. Не только оккупационный режим в западных, но и реквизиции, мобилизация, принудительный труд в восточных губерниях – все это непосильным грузом ложилось на плечи населения.

Боевые действия на территории этнически белорусских земель вели армии Северо-Западного фронта (оборона крепости Осовец, 1915 г.), а после его разделения – Западного фронта, на счету которого крупные сражения: противодействие Виленской операции

немецких войск (сентябрь – октябрь 1915 г.), в результате которого было остановлено их наступление вглубь России и ликвидация Свенцянского прорыва немецкой кавалерии, что обеспечило стабилизацию фронта; Нарочская операция (март 1916 г.), проведенная по просьбе Франции с целью помощи осажденному Вердену и ставшая первой попыткой выбить немецкие части с территории Беларуси; Барановичская операция (июль 1916 г.), предпринятая с целью нанести решительное поражение германским войскам; Кревская операция (июль 1917 г.), приведшая к уничтожению артиллерийским огнем оборонительных рубежей противника.

В той или иной степени эти боевые действия нашли освещение в дневниках и журналистских заметках, публикуемых в годы самой войны. Сотрудник журнала «Голос Руси» О. Козельский на основе писем и ежедневных записей, датированных 22 августа – 21 декабря 1914 г., составил книгу «Записки батареиногo командира»¹. Дневник открывается записью от 22 августа 1914 г.: *«В ночь на сегодня пришли в Вильну. Здесь узнали, бесконечно осчастливившую всех нас, радостную весть <...> о поражении миллионной австрийской армии, вошедшей в Люблинскую и Холмскую губернии и в Галиции; австрийцы отступают в полном беспорядке, бросая легкие и тяжелые орудия, артиллерийские парки и обозы. Наши трофеи огромны»*². 11 сентября 1914 г. Козельский сделал запись: *«Передают, что немцы идут к Неману в составе не менее девяти корпусов, занимая по фронту линию от Ковно до Гродно. У нас собраны кажется тоже большие силы и, надо думать неприятелю не поздоровится. <...> Сейчас перед нами открывается величественная и страшная картина. На горизонте, а в некоторых местах кажется и совсем близко пылают пожары. Это германские полчища освещают проходимый ими путь. В воздухе стоит неумолчный гул, в котором смешивается и отдаленная пальба орудий, и легкая ружейная трескотня, ... и скрип наших обозов в тылу, и вдруг пронзающее эту своеобразную тишину близкое ржанье лошади. А все это покрывает сознание бли-*

---

¹ Козельский О. Записки батареиногo командира: составлены по письмам, заметкам и рассказам участника войны. Вып. 1–2. Пг.: Изд. Б.А. Суворина, 1915–1916. Вып. 1. 1915. 97 с.; Вып. 2. 1916. 77 с.

² Там же. Вып. 1. Пг., 1915. С. 3.

зости врага и смертельной борьбы с ним. <...> Вспоминается наш путь сюда, деревни, через которые мы вчера шли, люди, которые нас там встречали, и вся эта мирная сельская природа. Все это затянута в водоворот кровавой войны, все это должно испытать ее ужасы – разорение, разрушение и смерть...»¹.

Корреспондент петроградской ежедневной газеты «Вечернее время» А.А. Носков представлял отступление российских войск в 1915 г. в духе временной неприятности, которая успешно преодолевается: «новыми усилиями весь наш западный фронт к 25 сентября уже совершенно выравнивается на линии озер Дрисвяты – Нарочь – Вишневецкое и с.с. Сморгонь – Любча – Крошин – Ляховичи, где и ставит преграду дальнейшему движению врага»².

Оборона Осовца. Первое упоминание о знаменитой обороне Осовца можно найти в маленькой безымянной брошюре «Разгром немецкой армии под Августовом на Немане»³ и в сборнике военных зарисовок П.Ф. Губера (псевдоним Арзубьев), который с начала войны служил в Красном Кресте, военным корреспондентом газеты «Plain Dealer» (США, штат Огайо), переводчиком в штабе. В книге военных очерков «Дела и люди военного времени», охватывающей ноябрь 1914 – май 1915 г., он поместил свои наблюдения о самых первых днях боев за Осовец:

«Проходя по улицам Белостока, вы ни за что не почувствуете, что враг у ворот этого города. Жизнь течет нормально, нигде не видно возбуждения и суеты, и только огромное количество обозных телег на улицах и площадях напоминают вам о войне.

Правда, река Бобр под защитой которой находится Белосток, представляет собою весьма серьезную преграду, имеющую на этом участке только одно сравнительно слабое и открытое для нападения место. Но место это, словно калитка замком, заперто осовецкой крепостью. И вот уже скоро неделя, что немцы упорно, хотя и бесплодно, ударяют по этому замку, постепенно увеличивая калибр своей осадной артиллерии.

¹ Там же. С. 23, 24.

² Носков А.А. Великая война. 1915 год. Очерк главнейших операций. Русский западный фронт / [псевд.] «Я». Пг., 1916. С. 42.

³ Разгром немецкой армии под Августовом на Немане: Битва под Осовцом. Жаркий бой у Чорткова. Поезда-разрушители. М.: Тип. П.В. Бельцова, 1914. 16 с.

Когда я уезжал из Варшавы, знакомые хором убеждали меня, что до Осовца мне не добраться: крепость обложена со всех сторон. Но все это оказалось вздором. Ни один немец не вступил еще на восточный берег Бобра, и говорить об осаде крепости, во всяком случае, преждевременно. Можно говорить лишь об обстреле, который производится с немецкой аккуратностью ежедневно от восхода солнца до заката. По ночам немцы не стреляют, опасаясь, должно быть, вспышками выстрелов обнаружить местонахождение своих батарей.

Когда я подъезжал в поезде к Осовцу, меня поразили специфический шум, какого ранее мне не доводилось слышать. Он был протяжен, длился каждый раз около полуминуты и походил на грохот железного листа, по которому ударяют молотком. <...> То рвались снаряды знаменитых 42-сантиметровых мортир, решивших в своё время участь Льежа, Мобёжа и Антверпена. <...> Артиллерия фортов отвечала на огонь противника. Её резкие, отчетливые выстрелы врывались в железный лязг и грохот, производимый взрывами. Облака сверкали золотом над снежными полями, вершины далёких сосен розовели. И грохот всё продолжался, не увеличиваясь, и не ослабевая, как шум морского прибоя, ударяющего в утёсы»¹.

В 1917 г. появилось описание обороны Осовца, сделанное военными, непосредственными ее участниками, М.С. Свечниковым и В.Я. Буняковским². Авторы, «пережившие все перипетии ее, и по своему служебному положению имевшие полную возможность проследить за всеми действиями командного состава и войсковой работой», предваряя книгу, заявили о своем долге сохранить в памяти народа боевую работу доблестного гарнизона. Кем были эти авторы? Свечников – подполковник, начальник штаба Осовецкой крепости, Буняковский – генерал-майор, командир Ливенского пехотного полка, это действительно осведомленные военные, положившие в основу книги свой личный опыт. Авторы характеризуют стратегическое значение крепости: «лежит на болотистом, ли-

---

¹ Арзубьев П.К. Дела и люди военного времени: (ноябрь 1914 – май 1915). Пг.: Б-ка великой войны, 1915. С. 108–111.

² Свечников М.С., Буняковский В.Я. Оборона крепости Осовец во время второй, 6 1/2-месячной осады ее. Пг: Гл. упр. Ген. штаба, 1917.

шенном других переправ участке р. Бобра, пересекаемом в районе крепости железной и разработанной грунтовой дорогой, ведущей из пределов Восточной Пруссии <...> к важному Белостокскому железнодорожному узлу», вместе с тем Осовец «позволял оперировать на обоих берегах реки, являясь исходным пунктом для дебуширования из-за Бобра в сторону противника»¹. В книге дано подробное описание защиты крепости.

24 июля (6 августа) 1915 г. защитники крепости подверглись газовой атаке со стороны германцев. Ее отражение русскими стало предметом изучения В. Никитского, опубликовавшего на эту тему очерк в сборнике 1921 г. «Военная наука и революция»², и А.Н. Де-Лазари, посвятившего газобаллонной атаке в районе Осовца раздел в книге о химическом оружии на фронтах Первой мировой войны. Де-Лазари утверждает, что сами немцы в ходе атаки потеряли от отравления газовым облаком до 1000 человек³.

Еще одно исследование принадлежит С.А. Хмелькову⁴. Его труд заслуживает особого внимания в связи с личностью автора. Он, выпускник Николаевской инженерной академии, военный инженер, в годы Первой мировой войны участвовал в обороне крепости Осовец, в боях за которую был дважды контужен и перенес газовую атаку. В 1918 г. перешел на службу в РККА, с 1919 г. преподавал в Военно-инженерной академии РККА. В 1920 г. защитил диссертацию, посвященную обороне Осовца. Стал профессором, генерал-лейтенантом инженерных войск, основоположником теории построения фортификационных оборонительных сооружений, занимал должность начальника кафедры сухопутной фортификации и укрепленных районов Военно-инженерной академии. Опубликованная им в 1939 г. книга является сокращенным и переработанным изложением ее материалов.

¹ Там же. С. 5.

² Никитский В. Отражение газовой атаки под Осовцом 24.7.15 г. // Военная наука и революция. В 2-х кн. Кн. 2. М.: Изд. В.В. ред. сов, 1921.

³ Де-Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг.: крат. ист. очерк / Под редакцией и с предисловием Я.Л. Авиновичского; Химическая академия РККА имени К.Е. Ворошилова. М.: Гос. воен. изд-во, 1935. С. 32.

⁴ Хмельков С.А. Борьба за Осовец. М.: Воениздат, 1939. 96 с.

Как отметил Хмельков, фортификационная подготовка крепости страдала существенными недочетами, не была мощной и на много лет отставала в этом отношении от таких крепостей, как Верден, Антверпен, Гродно. Тем не менее, немецкие части потерпели неудачу в попытке принудить крепость к сдаче массированными обстрелами силами тяжелой артиллерии. Стремясь любой ценой открыть путь на Белосток, немцы 6 августа 1915 г. открыли сильнейший артиллерийский огонь и одновременно провели газовую атаку, рассчитывая на успех, поскольку гарнизон крепости не имел никаких средств химической защиты. Потери гарнизона Осовца были тяжелыми: «газы нанесли огромные потери <...> 9, 10 и 11 роты Землянского полка погибли целиком, от 12 роты осталось около 40 человек при одном пулемете; от трех рот, защищавших Бялогронды, осталось около 60 человек при двух пулеметах <...> Все живое на открытом воздухе на плацдарме крепости было отравлено насмерть <...> не участвующие в бою люди спаслись в казармах, убежищах, жилых домах, плотно заперев двери и окна, обильно обливая их водой»¹. Однако сопротивление не было сломлено: по приказу коменданта крепости, «батареи крепостной артиллерии, несмотря на большие потери в людях отравленными, открыли стрельбу», а «13 и 8-я роты, потеряв до 50% отравленными, развернулись по обе стороны железной дороги и начали наступление; 13-я рота, встретив части 18-го ландверного полка, с криком “ура” бросились в штыки. Эта “атака мертвецов”, как передает очевидец боя, настолько поразила немцев, что они не приняли боя и бросились назад, много немцев погибло на проволочных сетях перед второй линией окопов от огня крепостной артиллерии»². Причина поражения германцев, отмечает Хмельков, «заключается в огромной выносливости русского солдата, его поразительной выдержке, стойкости и беззаветной храбрости»³.

После 190 дней сопротивления в связи с общим отступлением войск Северо-Западного фронта гарнизон крепости по приказу командования прекратил сопротивление, взорвал укрепления и отошел, соединившись с основными силами.

---

¹ Там же. С. 78, 80.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 80.

Виленская операция и Свенцянский прорыв. Еще в годы войны Виленская операция и Свенцянский прорыв были отмечены в ряде публикаций. А.А. Носков, обозначивший себя на титульном листе псевдонимом «Вещий», рассказал о них в небольшой брошюре¹. Несколько страниц (40–46) отведены описанию Виленской операции в брошюре «Великая война 1915 г.»² Д.В. Баланину, командовавшему в сентябре 1915 г. 27-м армейским корпусом, который принимал участие в операции по ликвидации Свенцянского прорыва, принадлежат опубликованные в «Военном сборнике» очерки «Молодечно» и «Вилейка. Бой 10 сентября 1915 г.»³. Бой за Вилейку был частью этой операции.

В.П. Кравков, в сентябре 1914 г. назначенный на должность помощника начальника санитарного отдела штаба 10-й армии Северо-Западного фронта, оставил дневниковые записи, представляющие собой ценнейший источник по военным событиям на территории Беларуси. Их рукописный оригинал, хранящийся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки⁴, впервые был опубликован в книге А.Ю. Каркотко и М.А. Российского «На линии огня. Очевидцы о боях за Вилейку в сентябре 1915 года»⁵.

О действиях на территории Беларуси упоминает генерал-фельдмаршал Гинденбург: *«1 сентября удастся смелое нападение, и русские части под нашим подготовительным огнем покидают свои позиции на берегу Двины. А гарнизон большой фланговой позиции на запад от реки отступает, маршируя день и ночь на восток и, к сожалению, вовремя избегая таким образом плена»*⁶. «К сожалению,

¹ «Вещий» (А.А. Носков). Вильна-Молодечненская операция. Август – сентябрь 1915 г. Пг., 1916. 15 с.

² Великая война 1915 г.: очерк главн. операций Рус. зап. фронт: с прил. 2-х схем в тексте и Заметки «Кавказ. фронт» со схемой. 2-е доп. изд. Пг.: Изд. Суворина, 1916. 60 с.

³ Баланин Д.В. Молодечно // Военный сборник. 1916. № 9. С. 41–49; Баланин Д.В. Вилейка. Бой 10 сентября 1915 года // Военный сборник. 1916. № 10. С. 41–52, схемы.

⁴ РГБ, НИОР. Ф. 140. К. 6. Ед. 11. Л. 2 об–40; Ед.12. Л. 1–3.

⁵ Каркотко А.Ю., Российский М.А. На линии огня. Очевидцы о боях за Вилейку в сентябре 1915 года. М.: Вече, 2015. 320 с. С. 83–175.

⁶ [Гинденбург П.]. Воспоминания Гинденбурга / Сокращ. пер. с нем. Л. Щегло. Пг.: Мысль, 1922. С. 51.

нию» – это для Гинденбурга, для российских войск, наоборот, к полному удовлетворению. Срыв в сентябре – октябре 1915 г. Виленской операции немецких войск остановил их наступление в глубь России.

Виленскую операцию немецких войск в ее хронологической последовательности воспроизвел А.М. Зайончковский¹. По его описанию, на виленском направлении 10-я германская армия, взяв 22 августа Ковно, начала продвигаться главными силами к Вильно, а остальными частями взаимодействовала с наступавшей вдоль Августовских лесов на Гродно 8-й армией. В то же время левофланговая Наревская германская армия продвигалась к Гродно вдоль реки Бобр. Обе армии вошли в тесную маневренную связь и 2 сентября заняли Гродно.

10-я русская армия и виленская группа развернулись западнее железной дороги Вильно – Гродно, но после ряда упорных боев и под угрозой обхода флангов к 18 сентября отошли на линию Михалишки – Лида, оторвавшись от левого фланга 5-й армии, отошедшей к Двинску и закрепившейся вдоль железной дороги.

Германское командование, использовав после отхода 10-й русской армии образовавшийся между Двинском и Вильно разрыв, бросило в направлении Свенцян кавалерийские части. 9 сентября германский конный корпус из 3-х дивизий под начальством генерала Гарнье прорвался в тыл 3-го корпуса и развил наступление в глубокий тыл русских в районе Вилейка – Молодечно – Сморгонь с целью разрушения железных дорог и захвата Молодечно.

Германская кавалерия 14 сентября заняла Вилейку, 19 сентября достигла линии Минск – Смоленск, разрушила путь в районе ст. Смолевичи, уничтожила склады и разгоняла этапные батальоны. В качестве ответной меры главнокомандующий Западным фронтом генерал Эверт перебросил части 2-й армии от Лиды на фронт Ошмяны – Молодечно, это позволило начать вытеснение германской

---

¹ Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг. Общий стратегический очерк. М., 1924; Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. 2-е перераб. и доп. изд. М., 1931; Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918. В 2 т. М.: Воениздат, 1938–1939.

кавалерии из района Молодечно. 21 сентября русские войска заняли Сморгонь, в районе Вилейки захватили германскую конную артиллерию. Ко 2 октября немецкий Свенцянский прорыв был окончательно ликвидирован, русские войска прочно заняли фронт по линии озеро Дрисвяты – озеро Нарочь – Сморгонь – Делятичи на Немане. Наступление немецких войск в сентябре – октябре 1915 г. было остановлено, но Литва была потеряна. Обе стороны перешли к позиционной войне на всем фронте от Балтийского моря до румынской границы.

Вскоре после войны драматизм этой операции раскрыл в воспоминаниях «250 дней в царской Ставке» М.К. Лемке, известный журналист, в 1915–1916 гг. служивший военным цензором в Ставке Верховного главнокомандующего. Он показал разительный контраст между официальными сообщениями штаба Верховного главнокомандующего и реальным положением на фронте. Сообщения успокоительно информировали: *«в общем наши армии твердо и точно выполняют свое планообразное движение и уверенно смотрят в будущее»* (27 августа), *«в общем мы продолжаем выполнять наш план, с каждым днем улучшающий положение наших армий»* (30 августа), *«действия австро-германцев направлены к стремлению сохранить за собой видимость наступательных действий, что стоит им несоизмеримых с результатами потерь»* (31 августа). Постепенно сообщения становятся более тревожными, но все еще не вызывающими опасений: *«В Виленском районе наши войска, после боев на переправах средней Вилии, отодвинулись несколько на восток. В районе с.-в. линии Вилейки – Молодечно во многих местах бои за переправы на реке Вилии продолжаются. Во встречных боях с германцами наши войска постоянно выказывают высокие боевые достоинства, действуя спокойно и уверенно в самых тяжелых обстоятельствах»* (7 сентября). *«Удар германцев в направлении Вилейки был решительно отбит, и план их расстроен. В многодневных тяжелых боях <...> противник был последовательно остановлен, поколеблен и, наконец, отброшен. Глубокий клин германцев, примерно по линии фронту Сола – Молодечно – Глубокое – Видзы, был последовательно уничтожен, причем зарвавшегося врагу нанесен огромный удар. Планомерный переход наших войск от отступ-*

ления к наступлению был совершен с умением и настойчивостью, доступными лишь высоко доблестным войскам» (19 сентября)¹.

Однако реальная ситуация была сложнее, нежели представленная в сообщениях Ставки. Лемке характеризует ее следующим образом: «Стык Западного и Северного фронтов в районе озера западнее Свенцяны был занят только слабыми отрядами кавалерии... Естественно, ими [германскими войсками – И.Ч.] был предпринят прорыв в направлении железной дороги Вильна – Двинск, на Свенцяны. Нам поневоле пришлось загнуть во внутрь обнажившиеся фланги. В образовавшийся коридор немцами была брошена вся масса кавалерии, <...> 1 сентября она захватила ст. Свенцяны, а вскоре сеть ее разъездов, поддержанных конной артиллерией, была уже на железном пути Молодечно – Полоцк <...> Мы, однако, успели занять Молодечно и, как бы игнорируя окружение этого узла с трех сторон и бомбардировку его немецкой артиллерией, задерживали их наступление и отстаивали занятое <...> Каждый понимает, что грозило армиям Западного фронта: они должны были бы пробиваться в узкий проход между Минском и Полесьем, неся страшные потери»².

В оценке Лемке, срыв в сентябре – октябре 1915 г. Виленской операции и Свенцянского прорыва немецких войск был «лебединой песней» русской армии, которая после нее «уже не знала ни побед, ни удачных выходов из трудных положений»³.

Свенцянскому прорыву посвящены очерк А. Певнева (Роль конницы)⁴ и специальное исследование Н. Евсеева⁵. Последний, комбриг, преподаватель Военной академии имени Фрунзе, детально исследовал ход боевых действий, сконцентрировав внимание на чисто военных аспектах операции: соотношении сил, обеспечении войск, эффективности руководства ими, конечных результатах. Но

¹ Лемке М. 250 дней в царской Ставке: (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 гг.). Пг., 1920. С. 52–54.

² Там же. С. 55.

³ Там же. С. 70.

⁴ Певнев А.Л. Конница: по опыту мировой и гражданской войн. М.: Гос. воен. изд-во, 1924. 39 с.; Певнев А. Конница в Свенцянском прорыве // Война и революция. 1929. №. 12. С. 74–92.

⁵ Евсеев Н. Свенцянский прорыв (1915): Военные действия на восточном фронте мировой войны в сентябре–октябре 1915 г. М.: Гос. воен. изд-во, 1936. 272 с.

книга интересна и показом нараставших в ходе войны трудностей, с которыми пришлось столкнуться военному руководству обеих сторон. «Свенцянский прорыв» отличался от других операций мировой войны, прежде всего, тем, что войска обеих сторон вели эту операцию в условиях серьезного истощения сил. Евсеев пишет: *«Немцы задалась целью окружить 10-ю русскую армию и правый фланг 1-й армии, т.е. окружить десять русских корпусов, до того уже истощенных и представляющих, в общем, примерно десять дивизий по числу штыков, пулеметов и орудий, если сравнить со штатной их численностью. Для этой операции немцы располагали, примерно, такими же силами и, примерно, в такой же степени истощенными»*¹. Исчерпание резервов стало острой проблемой воюющих армий.

Отражение Свенцянской наступательной операции немцев, по оценке Ю.Д. Данилова, помогло и союзникам России: немцы «приступили к оттяжке части своих сил обратно на западный фронт, чтобы обеспечить там свое положение от готовившегося против них наступления наших союзников»².

Оборона Сморгони и Нарочская операция. Самое первое упоминание сражения у Сморгони встречается в книге А.Н. Де-Лазари «Химическое оружие на фронтах мировой войны»³ в связи с германской газовой атакой 2 июля 1916 г. Две последовательно проведенные атаки продолжались полтора часа, газ нанес большие потери. Они объяснялись недоверием солдат к противогазам: некоторые в суматохе боя достать их не успели, другие и вообще их потеряли. Но это стало уроком. Де-Лазари замечает: *«Зато после этой газовой атаки все уцелевшие прониклись уважением к противогазам и больше с ними не расставались»*⁴. В том же районе Сморгони 5–6 сентября 1916 г. газобаллонную атаку провели русские войска.

---

¹ Там же. С. 226.

² Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. Берлин: «Слово», 1924. С. 388.

³ Де-Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг.: Краткий исторический очерк / Под ред. и с предисл. Я.Л. Авиновичского. М.: Гос. воен. изд-во, 1935. 144 с.

⁴ Там же. С. 44.

Она была признана успешной. «В дальнейшем, констатирует Де-Лазари, *газобаллонные атаки на русском театре продолжались с обеих сторон до зимы*»¹.

Если сражение у Сморгони привлекло внимание исследователей только в наше время², то Нарочской операции уделено некоторое внимание уже в литературе межвоенного периода. А.М. Зайончковский в работе «Мировая война 1914–1918 гг.» отметил, что климатические условия марта делало невозможным ведение в России каких-либо наступательных операций, тем не менее «русское верховное командование решило провести таковую в широком размахе для отвлечения на себя сил с французского фронта и для дальнейшего развития наступления в случае удачи до пределов вытеснения германской армии за русскую границу». Наступательная операция была плохо подготовлена, войска действовали несогласованно: Зайончковский пишет: «атака началась <...> несмотря на то, что сосредоточение к этому времени не было закончено, а артиллерию не успели даже подтянуть к фронту. Наступление велось в большую весеннюю распутицу разрозненно, отдельными корпусами, без общей связи друг с другом, так что, когда один корпус атаковал, то другой подготавливал атаку артиллерийским огнем или закреплялся, и, как и следовало ожидать, при подобном способе ведения операций, оно не привело ни к чему, несмотря на значительное упорство, по свидетельству Людендорфа, русских войск в бою». Смысл этой операции Зайончковский усматривал в помощи Франции в больших размерах: «*немцы увидели, что они ошиблись в ожидаемом ими ослаблении боеспособности русской армии, почему*

---

¹ Там же. С. 48.

² Беларусь у гады Першай сусветнай вайны: Сморгоншчына: трагедыя, гераізм, памяць: матэрыялы міжнар. навук.-практыч. канф., Сморгонь, 18–19 мая 2007 г. / навук. рэд. А.М. Літвін, У.В. Ляхоўскі; рэдкал. М.У. Мясніковіч [і інш.]. Мінск: Чатыры чвэрці, 2009. 740 с.; У Сморгони, под знаком Святого Георгия / Владимир Лигута. Минск: Изд-во Виктора Хурсика, 2010. 249, [4] с., [40] л. ил.: ил., табл., карты; «Тот войны не видал, кто у Сморгони не бывал»: к первому изданию 2009 года: [о 810-дневном противостоянии российской и германской армий в 1915–1917 гг. во время Первой мировой войны] / Владимир Лигута. Гродно: ЮрСаПринт, 2018. 257 с.

вопрос об уменьшении германских войск на русском фронте отпал»¹. Следует отметить, что в марте 1916 г. шли напряженные бои у Вердена, из-за этого германское командование, нуждаясь в резервах, надеялось взять их на русском фронте, но не смогло этого сделать.

Книги, подготовленные военными историками, акцентированы на критическом разборе хода боевых действий, их авторы подчеркивают стойкость и храбрость русского солдата и резко критичны по отношению к высшему командному составу. Это видно не только из приведенной выше оценки Зайончковского, но и из выводов всех тех аналитиков, кто занимался историей боевых действий русской армии. Н. Подорожный, преподаватель военной академии, в работе о Нарочской операции особо отмечает: *«атаки русских у озера Нарочь в марте 1916 года окончились неудачно. Их отбили не немцы, а по существу русские генералы, которые погубили операцию в самом процессе ее организации. Немцы лишь подтолкнули то, что падало и без них»*². Его характеристики генералитета, причастного к Нарочской операции, уничижительны. Операция закончилась неудачей, потому что генералы плохо подготовили войска к выполнению задач по прорыву, выбрали неудачный участок местности для атаки, войска не были ознакомлены с местностью, необходимое количество снарядов определили наугад, оборудование местности на участках решительной атаки не обеспечили, маневр артиллерии отсутствовал и ей ставились непосильные задачи, атаки пехоты отличали бессознательная храбрость и недостаточная осторожность, что приводило к большим потерям. Позитивным, как считал Подорожный, было лишь то, что нарочский опыт позволил стряхнуть беспечность и неповоротливость в руководстве войсками, что позволило в Брусиловской операции под Луцком добиться большого успеха.

Развернутое описание боев у озера Нарочь оставил Э. Людендорф, который признал, что *«германское фронтальное наступление (весной 1916 г. – И.Ч.) медленно продвигалось вперед»*, в результа-

---

¹ Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг. Общий стратегический очерк. М., 1924. С. 254, 255, 256.

² Подорожный Н. Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны. М.: Воениздат, 1938. С. 174.

те «еще хватило сил достигнуть района непосредственно западнее Сморгони, Западной Березины и района Барановичей и Пинска». Здесь немецкие части «должны были устроиваться на зиму, и нашли выгодную опору на линии озер Вишнево – Нарочь – Дрисвяты». Этот район и стал театром русской наступательной нарочской операции в марте 1916 г. Людендорф признает: «10-я армия подверглась сильному удару восточнее озера Нарочь»¹. И хотя Нарочская операция не принесла русским войскам успеха, была достигнута ее стратегическая цель – ослабить натиск немецких войск на французский Верден. Высокую оценку этой союзнической помощи дал главнокомандующий французской армии Жоффри. В телеграмме русскому командованию 1 (14) апреля 1916 г. он признал: «Последнее русское наступление заставило немцев, располагающих лишь незначительными общими резервами, ввести в дело все эти резервы и, кроме того, притянуть этапные войска и перебросить целые дивизии, снятые с других участков»².

Нарочская операция долгое время не удостоивалась серьезного исследования. Пристальное внимание к ней было привлечено в связи с общим возрождением интереса к Первой мировой войне со стороны белорусских историков в связи со столетними юбилеями событий войны³. В 2016 г. прошла международная научно-практическая конференция в Минске, Нарочи и Поставах «Нарочская операция 1916 г.: история и современность», по итогу которой был издан сборник научных статей⁴. В нем несколько статей (В.Н. Суряев, М.М. Смольянинов, В.А. Богданов, В. Люштык и В. Беляков, Л.Ю. Павлов) посвящены рассмотрению ее места и значения в истории боевых действий на российско-германском фронте и Европейском театре боевых действий в целом.

---

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 1923. Т. 1. С. 137.

² Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г. Сборник документов. М., 1950. С. 45.

³ Сражения Первой мировой войны на территории Беларуси. Битва у Нарочи. 1916: немецкие источники и русском наступлении (Нарочская операция). Мемориал / Сост. В.А. Богданов. Брест: «Полиграфика», 2016. 376 с.

⁴ Нарочская операция 1916 г.: история и современность: Сб. статей / редкол.: В.В. Данилович [и др.]. М.: Фонд «Историческая память», 2017. 164 с.

Барановичская операция. События Барановичской операции впервые нашли отражение на страницах очерка «Барановичи» Вальтера Фогеля, переведенного с немецкого языка и вышедшего в серии «Мировая война в отдельных операциях»¹. В нем представлен взгляд немецкой стороны на военную операцию, отражены тактические детали боевых действий, анализ душевного состояния бойцов. Упоминается Барановичская операция в «Стратегическом очерке войны 1914–1918 гг.»² и книге А.М.Зайончковского «Мировая война 1914–1918 гг.»³. В 1935 г. вышла работа В.И. Оберюхтина «Барановичи. 1916. Военно-исторический очерк»⁴.

В.Н. Клембовский, в то время начальник штаба Юго-Западного фронта, впоследствии так оценил итоги операции: *«за 9 дней три артиллерийских подготовки, три перегруппировки, три штурма, четыре отсрочки штурмов, захват и удержание за собой небольшого участка неприятельской позиции <...> – вот в какой форме вылилось наступление Западного фронта. Общая цифра потерь доходила до 80000 человек». К тому же «вопреки предположениям главнокома [главнокомандующего Западным фронтом – И.Ч.] противник не перешел в наступление ни на Полоцком, ни на Молодечненском направлении, и не усилил ни одной частью свои войска в Барановичском районе, точно угадав, что здесь серьезная опасность ему не грозит»⁵. Как неудачную, расценивал Барановичскую операцию и офицер управления генерала-квартирмейстера штаба главнокомандующего Западным фронтом В.И. Оберюхтин: *«В результате атак наступающий овладел 1–2 рядами окопов на нескольких участках обороны, но ни удержать, ни развить успеха не мог. Обо-**

---

¹ Фогель В. Барановичи 1916 г. / пер. с нем. изд. Германского Гос. архива А.И. Далина; под ред. П.И. Измestyева. Пг.: Гос. изд-во, 1921. 57 с.

² Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. / Комиссия по исслед. и использованию опыта мировой и гражданской войны / Сост. В.Н. Клембовский. М., 1920. Ч. 5: Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом. 123 с.

³ Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. В 3 т. М., 1938. Т. 2. Кампания 1916–1918 гг.

⁴ Оберюхтин В.И. Барановичи. 1916. Военно-исторический очерк. М., 1935.

⁵ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Часть 5. Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом / Составил В.Н. Клембовский. М., 1920. С. 66.

роняющийся удержал свои укрепленные позиции, успев собрать необходимые резервы и средства. Общие потери сторон: русских – до 120.000 человек убитыми, ранеными и пленными, из которых до 50.000 человек убитыми»; Барановичи остались за немецкими и австро-венгерскими войсками¹.

Операция 10-й русской армии под Крево. Сражение под Крево 27 июля 1917 г. – последняя крупная операция русской армии на Западном фронте в ходе Первой мировой войны. Согласно плану действий на 1917 г. на участке Западного фронта от Крево до Сморгони был предпринят масштабный удар по германским позициям с тем, чтобы, прорвав оборону противника, выйти к Вильно. Несмотря на то, что мощная артиллерийская подготовка была проведена наилучшим образом и укрепленная оборонительная линия противника была разрушена, в целом операция закончилась неудачно, т.к. линию фронта сдвинуть не удалось.

Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал А.И. Деникин в связи с этим вспоминал: *«Никогда еще мне не приходилось драться при таком перевесе в числе штыков и материальных средств. Никогда еще обстановка не сулила таких блестящих перспектив. На 19-верстном фронте у меня было 184 батальона против 29 вражеских, 900 орудий против 300 немецких, 138 моих батальонов введены были в бой против перволинейных 17 немецких. И все пошло прахом»*². Потери 10-й армии в Крево были очень значительны. Эвакуировано было 30.000 раненых, около 6000–7000 человек были убиты и пропали без вести. Из числа раненых примерно 30 процентов были ранены в пальцы или кисти рук, то есть оказались «самострелами». Впервые в истории позиционной войны Западного фронта, продолжавшейся два года, в Крево удалось прорвать укрепленную полосу обороны противника, но из-за сложной ситуации в армии и революционных настроений в войсках не удалось не только продолжить атакующие действия, но даже сохранить отвоеванные позиции, не смотря на значительное численное преимущество русской армии. Русское командование было подавлено

¹ *Оберюхтин В.И.* Барановичи. 1916. Военно-исторический очерк. М., 1935.

² *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии (Февраль–сентябрь 1917 г.). Вып. 1–2. Париж, 1921.

провалом блестяще подготовленной операции. Брусилов, Деникин и многие другие генералы были сняты со своих постов.

И эта военная операция долго не привлекала внимания ученых. И лишь в сборнике «Крево: история, археология, культурное наследие» в статьях раздела «На линии фронта: Первая мировая война и Крево» нашли отражение события под Крево в годы Первой мировой войны¹.

Военная экономика и население

Уже в годы войны одной из важных тем общественного обсуждения стало состояние народного хозяйства страны в условиях развернувшихся боевых действий. Появились многочисленные журнальные статьи и брошюры. Военное время определило и их особенности: небольшой объем в 20–100 страниц позволял оперативно высказаться по избранной теме, однако, сообщаемая информация подчас была недостаточно полной. Авторы показывали мероприятия по мобилизации промышленности², финансовую политику³, последствия от разрыва сложившихся до войны экономических связей Германии и России⁴. Обращались к вопросам немецкого засилья в русской торговле и промышленности⁵.

¹ Крэва: гісторыя, археалогія, культурная спадчына: зборнік навуковых артыкулаў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; уклад., навук. рэд. А.І. Дзярновіч. Мінск: Беларускае навука, 2020. 460 с.: іл. (Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі).

² Мобилизация технических сил: мероприятия по мобилизации промышленности в период первой мировой войны. Вып. 1–3. Пг.: Тип. Р.Г. Шредера, 1915.

³ Дементьев Г.Д. Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Пг.: Тип. изд. Мин-ва финансов, 1917. 54 с.

⁴ Гольдштейн И.М. Война, германские синдикаты, русский экспорт и наши торговые договоры. 2-е изд. испр. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1915. 68 с.; Гольдштейн И.М. Война, германские синдикаты, русский экспорт и экономическое изолирование Германии. 3-е изд. М.: Типо-лит. Рус. т-ва печ. и издат. дела, 1916. 79 с.; Гольдштейн И.М. Война, русско-германский торговый договор и следует ли России быть «колонией» Германии. 2-е изд. М.: типо-лит. Рус. т-ва печ. и издат. дела, 1915. 87 с.; Королькевич Б.П. Финансовые и экономические законы и мероприятия Германии против держав Согласия за время нынешней войны. Пг.: Петрогр. совет рабочих и крестьян. депутатов, 1918. 22 с.

⁵ Гольдштейн И.М. Немецкое иго и освободительная война: сб. ст. по вопросу о войне и нем. засилье в рус. торговле и пром-сти. М.: типо-лит. Рус. т-ва печ. и издат. дела, 1915. 51 с.

Среди более крупных трудов о российской военной экономике выгодно выделяется фундаментальная по всесторонности и глубине исследования публикация Министерства финансов России «О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России»¹. Данные и выводы книги ограничиваются начальным периодом войны – с июля 1914 по апрель 1915 г. В поле зрения ее авторов вошли ключевые направления хозяйственной деятельности, непосредственно относящиеся к положению населения: сбор урожая, производство мясных продуктов, потребление и движение цен на них: «недостатка в хлебе на продовольствие и обсеменение полей сельское население не испытывало», но «выступил целый ряд причин повышения цен на главнейшие продукты питания в городах в зависимости от обстоятельств военного времени». Спутниками дороговизны предметов первой необходимости в наиболее крупных городских потребительских центрах был временами острый недостаток продовольственных продуктов, доходивший, как отмечало исследование, до «полного отсутствия их на рынке», – в качестве примера назывались города Гродненской губернии Гродно, Белосток, Брест, Слоним². Заработки сельского и городского населения в целом по России были подвержены колебаниям, но во многих случаях возросли в связи с увеличением спроса на труд и отчасти – уменьшением рабочих рук.

В Гродненской губернии, например, если *«одни заработки сократились, упали или даже вовсе прекратились, то одновременно с этим возникли новые доходные виды работ, которые при высоте расценки рабочего труда почти полностью покрыли убытки на первых»*³. Дана оценка эффективности пособий семьям солдат: *«достаточность пособия определяется численностью семьи и степенью ее собственной имущественной обеспеченности: в тех случаях, когда пособие является подспорьем к собственным средствам, оно оказывается достаточным; там же, где семья, особенно многочисленная, существует исключительно на казенное пособие, оно в*

---

¹ О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России / М-во фин. деп. оклад. сборов. Пг.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1916. 517 с.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 174–175

большинстве случаев оказывается недостаточным»¹. Рассмотрены состояние торговли и промышленности, где неблагоприятными факторами стали сокращение рабочей силы, вызванное призывом громадной части населения на войну, нарушение нормального товарообмена вследствие отвлечения подвижного состава железных дорог на перевозку войск и воинских грузов, затруднения во внешней торговле и получении иностранных кредитов, поступление налогов и сборов. В целом же в губерниях, отдаленных от театра военных действий, «экономическая жизнь населения... оказалась весьма эластичною и обладающей большою приспособляемостью, а потому военные события и не вызвали в ней какого либо резкого расстройства»².

Отдельная глава книги посвящена влиянию прекращения продажи вина на народный быт и производительность труда. Запретил продажу спиртных напитков император Николай II повелениями от 16 июля и 22 августа 1914 г. В исследовании утверждается, что запрет на продажу алкоголя позитивно изменил жизнь населения как в городе, так и в деревне. По официальным сообщениям с мест, проявилась большая забота об удовлетворении духовных потребностей, увеличилась религиозность, возник интерес к образованию, окрепли семьи, прекратился пьяный разгул, уменьшилась преступность, повысилась производительность труда, у населения появились свободные деньги и т.п. Однако запрет продажи спиртных напитков не был столь безоблачен: увеличилось потребление суррогатов, особенно денатурата – технического этилового спирта. Из Московского уезда сообщали: «с прекращением торговли спиртными напитками пьянство в народе не прекратилось: вместо обычной прежде в земских лечебницах белой горячки, теперь приходится лечить от отравления денатурированным спиртом»³. Похожих сообщений было много, а фабричный инспектор из Могилевской губернии заключил: «покуда жизнь их [рабочих – И.Ч.] не будет заполнена интересами, которые заставят их забыть о дешевом увеселении в виде казенного вина, эти рабочие тоже представляют

¹ Там же. С. 200.

² Там же. С. 378.

³ Там же. С. 474.

из себя элемент ненадежный, прекративший пьянство только по принуждению»¹.

В целом исследование Министерства финансов, составленное в разрезе губерний, по отраслям и видам производства, на основе исчерпывающих статистических материалов, представляет собой подробнейший обзор экономического положения России в первый год войны. Сведения отчета дополнялись данными о хозяйственной жизни и экономическом положении населения России за первые 9 месяцев войны: (июль 1914 г. – апрель 1915 г.), обобщенными Министерством финансов².

После окончания войны одним из первых тему российской экономики периода Первой мировой войны разработал С.Н. Прокопович. Он составил себе имя как видный общественный деятель социалистического толка, видный экономист, доктор философии Бернского университета (Швейцария), министр торговли и промышленности и министр продовольствия в разных составах Временного правительства. В 1917 г. Прокопович издал и в 1918 г. переиздал в дополненном виде исследование о народном хозяйстве России в годы Первой мировой войны³. В книге на основе огромного массива статистических данных показано пагубное воздействие войны на состояние российской экономики: *«Война разорила наше народное хозяйство, а государственное хозяйство привела в состояние, граничащее с банкротством. Поэтому экономическая проблема после войны станет самой неотложной. Перед нею померкнут все остальные задачи нашей национальной жизни»*⁴.

Изучение экономической составляющей Первой мировой войны находилось в поле зрения научных учреждений РККА почти до начала Второй мировой войны. Об этом свидетельствует издание в 1938 г. Академией Генерального штаба труда Г.И. Шигалина, рас-

¹ Там же. С. 482.

² Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны: (июль 1914 г. – апрель 1915 г.): по сведениям, доставленным учреждениями Гос. банка, Гос. дворян. зем. и крестьян. позем. банков и Инспекцией мелкого кредита. Пг.: Тип. ред. период. изд. М-ва финансов, 1916. 110 с.

³ Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1917. 214 с.; 2-изд., доп. М., 1918. 264 с.

⁴ Там же. С. 149.

крывающего эту тему¹. Об авторе этой книги сохранилось мало сведений. Известно только, что он имел звание полковника интендантской службы, состоял в Военной академии тыла и снабжения имени В.М. Молотова, был награжден орденом Ленина – высшей в то время наградой. В годы Великой Отечественной войны был удостоен ордена Красного Знамени. В своей работе Шигалин раскрыл весь комплекс действий, составлявших содержание продиктованной требованиями войны государственной экономической политики. В этой связи он показал требования к экономике в связи с характером войны 1914–1918 гг., степень результативности мобилизационных мероприятий в области промышленности, особенно военных производств, состояние металлургической и топливной отраслей, достаточности снабжения сельскохозяйственной продукцией и продовольствием, места внешней торговли в восполнении недостатка вооружения и материалов. Отдельное внимание он уделяет источникам продовольственного обеспечения армии, переводу промышленности на военный лад, переменам в составе рабочей силы.

Базовым положением его анализа стало утверждение, что мировая война 1914–1918 гг., несравнимая с войнами прошлого по масштабам применения сложной военной техники и по характеру боевых операций, впервые потребовала поставить на обслуживание фронтов материально-техническими ресурсами не какую-либо часть экономики, а все народное хозяйство воюющих стран в целом. Несмотря на значительный рост народного хозяйства страны за 1900–1913 гг., Россия оказалась не подготовленной к ведению длительной войны, а промышленность – к переходу на режим военного производства. Весной 1915 г. обнаружился кризис боевого снабжения армии, который явился одной из причин отступления русских войск по всему фронту. Нараставшее по всем направлениям падение производства привело к полному развалу народного хозяйства.

Общий вывод Шигалина сводится к констатации, что в условиях длительной войны с применением на фронте миллионных армий, оснащенных высококачественной военной техникой и по-

---

¹ Шигалин Г.И. Экономика мировой империалистической войны 1914–1918 гг. М.: Акад. Генерального штаба РККА, 1938. 200 с.

глощающих огромное количество различных изделий военного назначения, необходима мобилизация всех экономических ресурсов страны. Это возможно при наличии высокоразвитой промышленности, обеспечивающей своевременное и качественное воспроизводство орудий войны. Война вскрыла слабые экономические и политические стороны дореволюционной России, показала, что в условиях высокотехнического характера мировой войны необходимы были более высокий уровень развития производительных сил и технико-экономическая независимость от других стран.

К изучению экономики войны еще в 1941 г. обратился А.П. Погребинский, опубликовавший несколько статей в «Исторических записках», последняя из которых датируется 1951 г.¹ Он рассмотрел деятельность органов земского и городского самоуправления, проанализировал их отношения с правительственными структурами, затронул функционирование военно-промышленных комитетов, их экономическую и политическую деятельность. Важный вклад в изучение народного хозяйства периода войны внес А.Л. Сидоров², опубликовавший первую статью по этой теме еще в 1947 г.³ В своей монографии он осветил вопросы, связанные с эвакуацией промышленных предприятий, решением продовольственного обеспечения, функционированием железной дороги, перевода промышленности на военные рельсы. Работы А.П. Погребинского и А.Л. Сидорова отличает богатая документальная база, заметное место в них занимает информация по неоккупированным белорусским территориям.

Перенос боевых действий на территорию Царства Польского, а потом и Беларуси, привел к трагическим последствиям, и здесь дороговизна и недостаток продуктов был одним из их проявлений: тысячи беженцев, разрушенные населенные пункты, нищета,

---

¹ *Погребинский А.П.* Военно-промышленные комитеты // Исторические записки. 1941. № 11. С. 160–200; *Погребинский А.П.* К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны // Исторические записки. М. 1941. № 12. С. 39–60; *Погребинский А.П.* Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в годы первой мировой войны // Исторические записки. М. 1950. Т. 31. С. 37–60.

² *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 655 с.

³ *Сидоров А.Л.* Эвакуация русской промышленности во время первой мировой войны // Вопросы истории. 1947. № 6. С. 3–25.

голод, болезни. Оккупационный режим и массовые реквизиции, мобилизация, принудительный труд – все это непосильным грузом ложилось на плечи населения. Так появились героини произведений М.И. Горьцкого «На імперыялістычнай вайне», «Літоўскі хутарок», «Рускі», «Генерал», «На этапе», «Ціхая плынь»: они проявляют себя как личности в условиях кровопролитных боев, разрушения привычного уклада жизни, духовного опустошения и бесконечных жертв. «Цяжар вайны, – писала «Наша ніва», – лёг перш-на-перш на плечы нашага народу; с пагранічных краёў бягуць грамадамі да нас людзі, страціўшыя ўсё, што мелі, і вынесшыя с-пад куль і бомб адно толькі свае галовы...»¹.

Массовое перемещение населения вызвало появление отчетов и первых обобщающих работ² об организации работы по устройству беженцев публикаций свидетельств очевидцев о лишениях и страданиях этих людей³. Среди них – дневниковые записи, сделанные Евгенией Александровной Масальской-Суриной (урожд. Шахматовой)⁴, перед войной проживавшей с мужем в имении в Глубоком. С приближением военных действий жизнь в имении начала рушиться. В ее «Записках беженца» нашли отражение и эвакуация учреждений из Вильно, и взятие немцами Свентян, и эвакуация населения из Глубокого в Петроград, и жизнь беженцев из западных районов в самом Глубоком: «Гром грянул над самой головой: пришел приказ Синода снимать колокола <...> Два дня снимали колокола Глубокской православной церкви, костела и в Березвечском монастыре <...> Трудно описать день 1-го сентября в Глубоком <...> Ежеминутно приезжала и приходила масса народа за помощью и советом. Просили лошадей, просили приютить вещи, просили про-

¹ На мяжы двух гадоў // Наша ніва. 1914. 25 сьнежня. С. 1.

² Кустов Н.И. Краткие очерки о деятельности национальных и благотворительных организаций, оказывающих помощь беженцам в гор. Москве. М.: Русское общество, 1917. 117 с.; Очерк деятельности Комитета по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий со дня его основания по 1 января 1916 года. Пг., 1915. 50 с.

³ Шведер Е. Беженцы: рассказы из великой войны. М., 1915; Беженцы и выселенцы. Одесса, 1916.

⁴ Масальская-Сурина Е.А. (Беженец) Записки беженца. Пг.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1916. 31 с.

ходные билеты <...> В час ночи пришло распоряжение генерала Потапова эвакуировать Глубокое. В 2 часа ночи уже выехала почта, духовенство, монастырь, все акцизное ведомство, доктора, учителя, чиновники, жители, как местные, так и приезжие <...> Я была в Глубоком в начале октября. Наш мирный городок весь превращен в военный лагерь. Бесконечные обозы с провиантом и снарядами тянутся по всем трактам. Грохочут грузовики, шинят автомобили, скачут казаки. Жилые помещения все заняты войсками. Из брошенного монахинями Березвечского монастыря поднимаются наши летчики навстречу высоко парящему немецкому цеппелину»¹.

На страницах петроградских периодических изданий публиковались дневниковые наблюдения и впечатления Федота Андреевича Кудринского, который занимался оказанием помощи беженцам в Рогачеве – одном из важнейших пунктов беженского движения. До конца 1915 г. через город проследовало только зарегистрированных примерно 700 тыс. беженцев. Собранные вместе дневниковые наблюдения Кудринского были опубликованы книгой «Людские волны» под псевдонимом «Богдан Степанец». Они охватывали период с 8 июля 1915 по 17 ноября 1916 г.²

«По улицам сегодня потянулись новые волны беженцев <...> самые ужасные. Несколько сот повозок <...> и каких! Черных, отвратительно грязных, каких-то отчаянных <...> Я остолбенел от удивления. Я не видел еще более печального зрелища. Раньше среди нищеты все-таки попадались арбы, на которых заметны были признаки хоть какого-нибудь достатка, хоть имущество в арбах было <...> Но то, что движется сегодня, прямо-таки чудовищно по бедности. Внутри арб ничего нет, кроме детей и больных стариков, и сидят они почти на голых досках <...>

– Откуда вы? Кто вы? – задаю я вопросы, сознавая, что своими расспросами, быть может, только растрavляю их горе <...>

Ответы были краткие, но содержательные. Они – из Минской губернии, Новогрудского уезда. При нашествии немцев их выселили из этого уезда в Слуцкий уезд и расселили там по деревням. Потом

¹ Там же. С. 10–14.

² Кудринский Ф. (Богдан Степанец). Людские волны: беженцы: [через г. Рогачев в 1915 г.]. Пг.: Кн-во бывш. М.В. Попова, [1916]. 200 с.

их потревожили и приказали переселиться через Старые Дороги, за Днепр. Полтора месяца назад они шли через Рогачев, переселяясь за Днепр. Там их расселили в Годиловичах, Довске и др. селах на расстоянии 25–30 верст от Рогачева. А теперь сняли их опять и приказали ехать назад, в Рогачев на железную дорогу...»¹.

«Чувство горести при утрате близких у многих сильно притупилось. Прекращение жизни глубоких стариков сдержанно приветствуется как избавление от лишнего рта и как облегчение дальнейшего путешествия. То же иногда и по отношению к маленьким детям»².

Беженцы, двигавшиеся на восток, оседали в разных городах и селах страны. Они оказались разбросанными по всей ее территории – от Московской, Владимирской, Калужской, Нижегородской, Пензенской, Орловской, Рязанской до Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Казанской, Костромской, Воронежской губерний. В опубликованных заметках В. Граневича отражено их положение в Казани³. Как жили, что чувствовали, о чем мечтали бежавшие от войны люди, дают яркое представление опубликованные материалы Всероссийского съезда белорусских беженцев. Он состоялся в июле 1918 г. в Москве⁴. Для участия в съезде приехали делегаты, сами беженцы, из Гродненской, Минской, Виленской, Ковенской губерний, представлявшие своих соотечественников, нашедших пристанище в городах и селах разных губерний страны. Они докладывали о полном бездействии местных властей по отношению к беженцам, насильственном выселении их из квартир и принудительной посылке на общественные работы без вознаграждения за труд. Прямая речь делегатов, попавшая на страницы сборника материалов съезда, ярко иллюстрирует сказанное

---

¹ Там же. С. 168–169.

² Там же.

³ Граневич В. На рэках Вавілону (Успамінкі ўцэкача) // Беларускі шлях. 1918. 22 чэрвеня – 10 ліпеня.

⁴ Всероссийский съезд беженцев из Белоруссии (1918; Москва). Протоколы, постановления и материалы Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии в Москве, 15–21 июля 1918 года. М.: Изд. Белор. национального комиссариата, 1918. 89 с.

выше. «В Рязанской губ. беженцев 21.669, из них: из Гродненской губ. 20.069, Минской 1309, Витебской 227 и Могилевской 64. Продовольственное дело плохо: похлебка из листьев, да еще без соли – единственная обыкновенная пища. Хлеб не выдается иногда совершенно. Насильственное выселение из квартир местным населением. <...> Безработица полнейшая. <...> Были случаи, когда беженцы работали день за стакан молока» (делегат от Рязанской губернии). «В Балашевском уезде до 18 тысяч беженцев, которые обречены на голодную смерть. Местною властью не принимается никаких мер к улучшению; наоборот, положение беженцев все ухудшается. <...> Волостные советы не только не оказывают помощи, но стараются всячески притеснять беженцев. На последних местное население смотрит, как на что-то темное, чужое и враждебное» (делегат от Саратовской губернии). «Положение беженцев в губернии самое безотрадное, хотя Тамбовская губ. принадлежит к числу хлебных. Безработица среди беженцев страшная. Паек в большинстве случаев не получен за полгода. <...> Беженцы страшно обносились и не имеют никакой одежды» (делегат от Тамбовской губернии). «За неимением собственных хозяйств, собственного хлеба, беженцы питаются исключительно зеленью. Вследствие этого развиваются болезни, как например: цинга, тиф, холера. Все настроены против беженцев: не знаю как Бог, но если и он против беженцев, то будет совсем плохо» (делегат от Владимирской губернии). «В Нижегородской губернии 52.065, из них белорусов 10.784. Положение беженцев в губернии ужасное. Отношение местного населения враждебное. Квартирный вопрос в Н.-Новгороде для беженцев отчаянный. В Печерском монастыре были отданы в полное распоряжение монахов. В пищу получали помои из кухни. То же самое делается и в других монастырях» (делегат от Нижегородской губернии)¹.

Съезд проходил в то время, когда фактически вся территория белорусско-литовских губерний в результате февральского 1918 г. наступления германских войск была оккупирована и в спешном порядке 3 марта 1918 г. был заключен Брестский мир. Линия фронта прошла западнее Витебска, на юг (по Днепру) и восточнее Гомеля.

---

¹ Там же. С. 21–24, 26.

Эти события вызвали новую волну беженцев. На съезде прозвучал голос из оккупированных местностей Виленской губернии – смог приехать в Москву и выступить на съезде директор Будславской гимназии Иосиф Василевич: *«В Белоруссии в настоящее время живет плохо. После прихода немцев жизнь замерла. Вся Белоруссия превратилась в тюрьму и застенки. <...> Пошли экзекуции и расстрелы. По всей Белоруссии стоит стон. Белорусский народ – сирота. Остались только священники и ксендзы, которые выпрашивают перед немцами разные льготы только для себя. <...> При проезде через Коренево выяснил количество и положение беженцев. Здесь у станции их находится до 25 000. Беженцы лежат на откосах, мокнут, голодают <...> Тот скорбный путь, который прошли беженцы в начале войны, был устлан крестами и могилами, обратный путь тоже будет усеян могилами»¹.*

Несмотря на то, что белорусские территории были оккупированы германскими войсками, единственным выходом из создавшегося положения с беженцами виделась их реэвакуация на родину. Эта мысль звучала в выступлениях с мест и в наказах делегатам: «Требовать немедленного выезда на родину»; «Принять все меры к скорейшему возвращению на родину»². Не требование, а слезная просьба в протоколе общего собрания беженцев Гродненской и Минской губерний, проживавших в селе Головинщина Н.-Ломовского уезда Пензенской губернии: *«Просим вашего содействия оказать нам какую-либо помощь или ускорить выезд на родину, а если нельзя на свою сторону, то куда бы то ни было, жить нельзя больше. Все мы на себе износили за три года одежду, все мы измучены и забыты совсем. Еще раз просим Вашего содействия не оставить нас и ускорить нам выезд на свою родную сторону»³.*

По поводу вопроса о реэвакуации беженцев на страницах сборника материалов съезда имеются любопытные документы: радиотелеграмма Германского правительства от 21 апреля 1918 г. № 120–122 «Русскому правительству, Комиссариату иностранных дел» за подписью Буше и ответ гр. Мирбаха на письмо российской

¹ Там же. С. 28.

² Там же. С. 70, 75.

³ Там же. С. 78.

стороны от 27 мая 1918 г. «К вопросу о возвращении реэмигрантов». В первом документе германская сторона на запрос российского правительства сообщает: *«Желаемое открытие границ, к сожалению, еще невозможно, однако главнокомандующий на восточном фронте имеет поручение допустить реэмиграцию отдельных лиц на территорию восточного главного командования и в Варшавское Генерал-Губернаторство на следующих условиях:*

1) Беженцы должны иметь с собой съестные припасы, достаточные до следующего урожая.

2) Польские реэмигранты могут быть допущены только в Варшавское Генерал-Губернаторство.

3) Другие национальности будут допускаемы на территорию восточного главного командования согласно с возможностью найти для них помещение.

При этом предполагается, как предпосылка, что Русское Правительство будет допускать въезд реэмигрантов, требующих возвращения из территории восточного главного командования в Россию»¹.

Второй документ касается технической стороны организации пропуска реэмигрантов из России: *«До сих пор около Орши с русской стороны около 25-ти или 30-ти тысяч реэмигрантов ожидают допущения на оккупированные территории, причем в их принятии частью должно быть отказано, частью оно может состояться только постепенно. Императорское Германское Правительство поэтому предлагает, чтобы возможно скорее сначала в Смоленске, а потом также в других русских узловых пунктах, были созданы Германо-Русские комиссии под германским председательством с далеко идущими полномочиями председателя, с целью отвлечения потока реэмигрантов от Орши и с целью урегулирования его, поскольку он будет двигаться через Оршу согласно с тамошними возможностями принятия реэмигрантов. Так как около Орши имеется опасность эпидемии и голода, Германское Правительство просит Русское Правительство возможно скорее заявить о своем согласии с вышеприведенными предположениями»*². По состоянию на 1 сен-

¹ Там же. С. 85–86.

² Там же. С. 86.

тября 1918 г. в списках на реэвакуацию на территорию Беларуси из Европейской России и Сибири было 617 273 человек¹.

В оккупированном Минске уже была провозглашена Белорусская народная республика, было сформировано ее правительство. В своем выступлении на съезде секретарь Белорусского национального комиссариата при правительстве РСФСР, а в скором времени первый руководитель правительства провозглашенной в 1919 г. ССРБ Д.Ф. Жилунович сформулировал отношение к ней, что также вошло в опубликованный протокол съезда: «Минское Правительство подобно Украинскому и Финляндскому заискивает перед Германией, и через это теряет уважение – последней. Немцы совершенно не считают с этими правительствами <...>»².

Не только в ходе, но и после окончания войны мнения важнейших участников белорусского национального движения о событиях, происходивших на оккупированной территории, разошлись, что объяснялось различиями в личном опыте проживания самих лет войны: В.И. Игнатовский был в Минске, М.В. Довнар-Запольский – в Киеве, Д.Ф. Жилунович – в Петрограде. Игнатовский и Довнар-Запольский в обобщающих работах по истории Беларуси, написанных в 1920-е годы, отмечали, что после оккупации значительной части Беларуси немецкими войсками белорусское движение активизировалось вплоть до объявления государства на национальной основе. В то же время Жилунович считал, что, наоборот, это привело к временной приостановке национального движения, но позже оно проявилось именно в беженских комитетах в городах Российской империи, ставших его основными центрами. Опыт беженства способствовал выработке чувства национальной идентичности белорусов, на чужбине ощущавших себя Чужими по отношению к местному населению.

После завершения военных событий санитарные последствия войны, ее влияние на движение населения, военные потери, статистика травматизма, заболеваемости и инвалидности в войну

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 13. Л. 48–49.

² Всероссийский съезд беженцев из Белоруссии (1918; Москва). Протоколы, постановления и материалы Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии в Москве, 15–21 июля 1918 года. С. 47.

нашли отражение в «Трудах Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг.»¹ Первыми оценить движение населения под углом демографических перемен попытались Е.С. Канчер², Ф. Турук³ и А. Цвикевич⁴. Е.С. Канчер, историк и географ, в своей работе опирался на данные по регистрации беженцев-белорусов Белорусским отделом Комиссариата по делам национальностей Союза коммун и Северной области. Доступ к ним у него был свободным благодаря специфике его службы. В 1918 г. он возглавлял научно-статистический комитет Белорусского национального комиссариата – подразделение Наркомнаца РСФСР. Затем после переезда Белнацкома в Москву – аналогичный отдел Петроградского отделения комиссариата, статистический отдел Комиссариата по делам национальностей Союза коммун и Северной области. По подсчетам Канчера, беженцев из Беларуси было 3.500.000 человек, из них преобладали беженцы с западных земель Беларуси⁵. А. Цвикевич в работе «Возрождение Беларуси и Польша» указывает количество беженцев из Гродненской губернии и отмечает их преобладание среди всей массы беженцев⁶. Статистические сведения, связанные с перемещениями беженцев, стали предметом анализа

---

¹ Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. / под ред. М.М. Гран, П.И. Куркина и П.А. Кувшинникова. Вып. 1: Опыт изучения санитарных последствий войны в России. Влияние войны на естественное движение населения. Численность русской армии в войну 1914–1918 гг. Военные потери России в войну 1914–1918 гг. Материалы по статистике травматизма, болезненности и инвалидности в войну 1914–1917 гг. М. Пг.: Гос. изд-во, 1923. 228 с.

² Канчер Е. Судьбы беженцев // Канчер Е. Белорусский вопрос: сб. ст. Пг., 1919. С. 112–121.

³ Турук Ф. Белорусское движение: очерки истории национально-политического и революционного движения белорусов. С приложением образцов белорусской политической литературы. М.: Госиздат, 1921. 142 с.

⁴ Цвикевич А. Адраджэнне Беларусі і Польшча. Вільня: Вызваленне, 1921. 192 с.

⁵ Канчер Е. Белорусский вопрос: сб. ст. Пг., 1919. С. 117.

⁶ Цвикевич А. Адраджэнне Беларусі і Польшча. Вільня: Вызваленне, 1921. С. 58.

В. Бинштока¹, Л.И. Лубны-Герцыка², Е.З. Волкова³. Перемещения населения в годы Первой мировой войны они не выделяли в отдельную группу, а объединяли их с массовыми перемещениями населения гражданской войны и военной интервенции в 1919–1921 гг. Такого же подхода к демографическим процессам, связанным с Первой мировой войной, придерживались представители послевоенного поколения советских историков и демографов (Л. Гаврилова, Л. Гапоненко, Ю.В. Дробижева, Б. Урланис).

В межвоенные, да и в последующие годы еще не сложились условия для появления работ, в центре которых находились бы темы, связанные с жизнью простого человека в условиях войны, – его жизнь на оккупированных и на не оккупированных территориях, вынужденное бегство. И лишь пьеса Максима Горьцкого «Шутливый писаревич» (в оригинале «Жартаўлівы пісарэвіч»), впервые опубликованная в 1929 г., напоминала о трагедии простого человека, попавшего в водоворот войны: её главный герой – беженец, умирающий по пути в Беларусь. В момент германского наступления на советскую территорию в 1941–1943 гг. публикуются сборники документов, объединенных общей темой «зверства немцев в Первую мировую войну»⁴. Открывая сборник 1943 г., Е.В. Тарле отмечал, что «ни малейших качественных принципиальных отличий между немецкой военщиной 1914 года и военщиной 1941–1943 годов усмотреть нельзя», просто в нынешнюю войну немецкие захватчики «почувствовали себя почему-то в еще большей безопасности,

---

¹ Биншток В. Военные потери в войну 1914–1918 гг. // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны, 1914–1920 / Нар. ком. здравоохранения; под ред. М.М. Гран. П.И. Куркина, П.А. Кувшинникова. Вып. 1. М.- Пг.: Госиздат, 1930. 272 с.

² Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М.: План. хоз-во, 1926. 124 с.

³ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л.: Гос. изд., 1930. 272 с.

⁴ Марков С. Зверства немцев в Первую мировую войну. М.: Воениздат, 1941. 37 с.; Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. М.: Госполитиздат, 1942. 79 с.; Зверства немцев в войну 1914–1918 гг.: (из документов Первой мировой войны) / Сост.: З.З. Михайлович и Л.И. Полянская; Архив. отдел Упр. НКВД по Ленингр. обл.; предисл. Е.В. Тарле. Л.: Лениздат, 1943. 116 с.

еще менее рискующими ответить за свои злодеяния, чем их предшественники в 1914 году»¹.

Первая мировая война стала этапом на пути становления белорусской национально-государственной идеи. Ситуация военной катастрофы с одной стороны, как писал З. Жилунович, *«змяніла характар беларускага нацыянальна-культурнага руху, разбурыла віленскі цэнтр яго і разагнала беларускіх культурнікаў па ўсёй Расціі»* («изменила характер белорусского национально-культурного движения, разрушил его виленский центр и разбросала белорусских деятелей культуры по всей России»)², с другой стороны, создала уникальный шанс для артикулирования и реализации идеи белорусской государственности сначала в форме БНР, а затем – ССРБ. Уже в обобщающих работах по истории Беларуси В.М. Игнатовского и М.В. Довнар-Запольского, который писал свою «Историю Беларуси» в первой половине – середине 1920-х гг., нашла отражение тема становления белорусского национального движения в годы войны. Оба они отмечали, что после оккупации западной Беларуси немецкими войсками белорусское движение активизировалось, и в первую очередь это касалось Виленщины³. В то же время Д.Ф. Жылунович считал, что наоборот, *«заяцце немцамі заходняй Беларусі і гораду Вільні, які быў цэнтрам беларускага нацыянальнага руху, з’явілася прычынай, у сілу якой беларускі нацыянальны рух вымушан быў крыху спыніцца»* («занятие немцами западной Беларуси и города Вильно, являвшимся центром белорусского национального движения, стала причиной того, что белорусское национальное движение было вынуждено немного приостановиться»⁴. Но позже он снова активизировался в беженских комитетах в городах Российской империи, ставших его основными центрами.

---

¹ Зверства немцев в войну 1914–1918 гг.: (из документов Первой мировой войны) / Сост.: З.З. Михайлович и Л.И. Полянская; предисл. Е.В. Тарле. Л.: Лениздат, 1943. С. 7.

² Жылунович З. Два бакі беларускага руху // Польшыя. 1923. № 3–4. С. 70.

³ Ігнатоўскі У. Гісторыя Беларусі ў XIX і пачатку XX стагоддзя. 2-е выд. Менск, 1926. С. 222; Доўнар-Запольскі М.В. Гісторыя Беларусі. Мінск, 1994. С. 468.

⁴ Жылунович Д. Люты–Кастрычнік у беларускім нацыянальным руху // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху. Менск, 1924. С. 184.

Это мнение, в то время секретаря Белорусского национального комиссариата при правительстве РСФСР, а впоследствии первого руководителя правительства провозглашенной в 1919 г. ССРБ, вытекало из его собственного субъективного опыта беженства, работы в беженских комитетах. Жилунович в своем выступлении на Всероссийском съезде беженцев из Беларуси в Москве сформулировал свое отношение к БНР: «Минское Правительство подобно Украинскому и Финляндскому заискивает перед Германией, и через это теряет уважение – последней. Немцы совершенно не считаются с этими правительствами <...>»¹. В этом вопросе, как видим, мнения важнейших участников движения разошлись, и связано это было с различиями в опыте проживания самого периода войны. В годы войны В.И. Игнатовский был в Минске, М.В. Довнар-Запольский – в Киеве, Д.Ф. Жилунович – в Петрограде.

Линию В.М. Игнатовского и М.В. Довнар-Запольского в вопросе белорусского национального движения продолжали авторы, проживавшие за пределами БССР. А. Станкевич в книге «Да гісторыі беларускага політычнага вызвалення» осветил работу и решения Всебелорусского съезда, показал общественно-политические процессы, деятельность белорусских национальных организаций на оккупированной немецкими войсками территории Беларуси, анализирует уставные грамоты БНР, рассматривает отношение к ней германских оккупационных властей. В целом борьбу за реализацию белорусской идеи, которая оказалась незаконченной в связи с включением ее западной части в состав Польши, а восточной в состав России, он освещает в контексте распада европейских империй².

В самой Беларуси, начиная с 1930-х гг., тема национального движения фактически ушла из исследовательской повестки. Общественно-политическая жизнь военных лет стала рассматриваться исключительно сквозь призму революционного движения и подготовки социалистической революции. При этом она почти пол-

---

¹ Всероссийский съезд беженцев из Белоруссии (1918; Москва). Протоколы, постановления и материалы Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии в Москве, 15-21 июля 1918 года. С. 47.

² Станкевіч А. Да гісторыі беларускага політычнага вызвалення. Вільня, 1934.

ностью была сведена к деятельности большевиков среди рабочих и крестьян белорусских губерний, солдат Западного фронта, подготовки и осуществления вооруженного восстания.

Начало реализации такого подхода было положено в работой В.Г. Кнорина «1917 год в Белоруссии и на Западном фронте», опубликованной в 1925 г. Автор сам определил ее характер: личные воспоминания, поскольку «в распоряжении автора было весьма немного документов эпохи»¹. Собственно военным событиям Кнорин уделяет мало внимания, лишь отмечая, что «уже осенью 1914 года военные действия были перенесены на территорию Гродненской и Сувалковской губерний (знаменитые августовские бои), а в июле и августе 1915 года русские войска оставили всю Польшу, Литву и Западную Белоруссию и отошли на линию стоянки 1916–1917 г., т.е. на линию больших озер Крево – Солы – Сморгонь – Пинск»². Ремесленные и торговые местечки и городки края были экономически окончательно разрушены, а во многих случаях, как Сморгонь, снесены с лица земли. После летнего поражения 1915 г., подчеркивает Кнорин, начинается быстрый рост оппозиционных и революционных настроений в рабочих центрах и, особенно, в столицах, что сразу отразилось на фронте. «Среди офицерства, – пишет Кнорин, – особенно среди офицерства военного времени, распространяются конституционно-демократические взгляды, циркулируют антидинастические слухи и разнообразные версии предстоящих изменений в управлении страной, нарастает недовольство господствующей придворною кликой и надежды на Государственную Думу как организатора обороны страны <...> Этот наплыв, с одной стороны, оппозиционно-конституционных, с другой стороны, революционно-социалистических элементов на фронте и новый политический подъем совпал с наметившимся процессом революционирования рядовой солдатской массы под влиянием усталости от чрезмерно затянувшейся войны, и затруднений в снабжении продовольствием фронта. Результатом этого процесса было ослабление внешне военной дисциплины, увеличение числа дезертиров, увеличение числа дел по членовредительству, всеобщее недовольство командованием:

¹ Кнорин В.Г. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925. С. 1.

² Там же. С. 1.

среди генералитета и высшего командования – ставкую, среди рядового офицерства – командованием фронта и штабами, а среди солдатской массы – вообще всем командованием и всем, особенно кадровым, офицерским составом»¹.

Все это привело к стихийному росту революционного настроения масс, созданию в ходе Февральской революции Минского Совета рабочих и солдатских депутатов и его аналогов в прифронтовых местечках и городах – Несвиже, Столбцах, Слуцке, Вилейке, Бобруйске. Важнейшим событием стал проведенный в апреле 1917 г. съезд рабочих, крестьянских, солдатских и офицерских депутатов Западного фронта. По утверждению Кнорина, наиболее важное значение фронтового съезда состояло в *«той политической роли, которую он сыграл в деле самоопределения солдатских масс, освобождения их из-под влияния офицерства... и создания условий для ликвидации всего фронта как орудия империалистической войны путем превращения его в резервуар революционных сил для приближающегося Октября»²*. Кнорин подробно определяет роль социалистических сил, и прежде всего большевиков, по «ликвидации фронта», их деятельность вплоть до заключения 20 ноября 1917 г. делегацией Военно-революционного комитета армий Западного фронта и делегациями 2-й и 3-й армий договора с германским командованием о временном перемирии. После этого фронт демобилизовался, причем, замечает Кнорин, сам: *«солдаты попросту уходили, садились на поезда и уезжали»³*.

Более широким временным охватом на фоне работы Кнорина отличается книга С.Х. Агурского, в то время занимавшего должность директора Истпарта при ЦК компартии БССР, посвященная революционному движению в Беларуси в 1863–1917 гг.⁴ Как автор отмечает в предисловии, *«до сих пор нет ни одной специальной работы, освещающей революционное движение в Белоруссии, в книге делается первая попытка восполнить этот пробел»*. Идеиное на-

---

¹ Там же. С. 6–7.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 63.

⁴ Агурский С. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863–1917 гг.). Минск: Белорусское гос. изд-во, 1928. 348 с.

правление труда напрямую связано с биографией самого автора¹. Агурский считал, что за исключением РСДРП, деятельность всех политических партий, сумевших сохранить в Беларуси свои организации в годы войны, была *«оппортунистической, оборонческой, она приносила рабочему классу только вред»*².

Таким образом, первые публикации, в которых затрагивались события Первой мировой войны на территории Беларуси, появились уже в ходе военной кампании. Проблематика, выраставшая из событий войны (боевые действия, вопросы экономики, беженство и демографические процессы, национальное и революционное движение, вопросы становления белорусской национально-государственной идеи), активно вошла в историческую науку 1920–1930-х гг. Тем не менее во второй половине XX ст. в отечественной историографии Великая война 1914–1918 гг. оказалась в тени Великой Отечественной, а вклад, внесенный ее современниками в изучение по горячим следам событий, с ней связанных, оказался фактически забыт. Определение войны 1914–1918 гг. как империалистической и обвинение царской России в ее развязывании, увод ее в тень событий революции 1917 г. также не способствовали ни внимательному перепроцессу того, что о ней было написано, ни объективному ее изучению. Колоссальные жертвы, которые принес советский народ на алтарь победы в Великой Отечественной войне, окончательно увел в тень память о прошлой, империалистической, войне.

Межвоенные годы с точки зрения вклада в изучение войны по горячим следам фактически ее участниками были важнейшим этапом в ее научном осмыслении. В массиве литературы этого периода

---

¹ Агурский Самуил Хаимович (1884–1947) – деятель Бунда, эмигрант в 1906–1917 гг. в Англии и США, вернувшийся после Февральской революции в Россию в качестве корреспондента американской еврейской прессы, примкнул к большевикам и начал карьеру советского партийного деятеля, работал в Народной комиссариате по делам национальностей, один из организаторов Еврейской секции ВКП(б). В 1924–1929 гг. возглавлял Комиссию по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Испарт) ЦК компартии Белоруссии. В 1929–1934 гг. работал в Институте истории партии при ЦК КП(б)Б.

² Агурский С. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863–1917 гг.). С. 203.

нашлось место и для Беларуси, хотя и недостаточное на фоне тех разрушительных последствий, которые принесла ей война. Все еще нуждались в серьезных разработках такие темы, как образование и культура, менталитет, массовая психология, уровень жизни и отношение населения к войне, беженство, вопросы взаимодействия Русской армии и гражданского населения белорусских земель в годы войны, влияния военного положения на повседневную жизнь населения оккупированных и не оккупированных белорусских земель, работы медицинских учреждений по оказанию специализированной медицинской помощи, деятельности благотворительных организаций, общин сестер милосердия, женских комитетов, работы хозяйственного комплекса не оккупированных белорусских территорий в условиях войны. Не сразу, но придет стремление увидеть поступки и судьбы – как простых людей, так и целых социальных групп и организационных структур, желание понять логику и суть их действий и поведения в условиях войны. Все эти темы войдут в историческую повестку уже в постсоветское время.